Кузьмин В.

20.02.93

Один мой хороший знакомый пообещал устроить интервью с Владимиром Кузьминым. Поскольку о последних музыкальных успехах Владимира мы ничего не знаем, а о старых начали забывать, тема беседы предлагалась такая: «женщины в жизни Кузьмина». Ну что же, женщины так женщины, решила я, тем более легендарному любовнику советской эстрады есть чего порассказать.

Моск. комсомолец - 1993 - 20 февр.

КАЗАНОВА СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ?

Владимир КУЗЬМИН: «Счастливой может быть любая пэтэушница...»

...КУЗЬМИН ждал меня в музыкальной студии Дворца молодежи, где записывал новую песню «Еще одна блондинка». Он был погружен в себя, держался как-то неуверенно и уж, конечно, не собирался рассказывать о своих похождениях в качестве героя-любовника. Он просто сидел и молчал — все время, пока его менеджер, желая, очевидно, как-то «расслабить» обстановку, рассказывал о том, что вот, мол, флейтист из «Аквариума» пытался переплыть через Днепр, но утонул, а Ю. Шевчук свой день рождения как-то отметил заплывом через Москву-реку — к счастью, все обошлось благополучно, а вот Кузьмину не придется даже войти в реку — любовницы не позволят. Из дальнейшей беседы стало ясно, что Владимир не настроен разговаривать на всякие глупые темы. И еще — хотел бы, чтобы журналисты не перевирали его слова.

Текст беседы приводится максимально приближенно к магнитофонной записи, тем более что некоторые высказывания Кузьмина были весьма туманны...

— Владимир, что из прежней советской жизни тебе больше всего запомнилось?

— То, как в совершенно трезвом состоянии я поехал в Чернобыль давать концерты сразу после аварии. Потом через пару лет мы с братом туда еще раз приезжали. Хотелось посмотреть, как так может быть — дома, все атрибуты жизни есть, а людей — нет. С видеокамерой нас встретили охранники, сначала не хотели пускать, но потом узнали меня и разрешили... На концерт тогда собралось тысяч девять, прямо на улице, было холодно, но все стояли, слушали. Тогда никто ничего не боялся. Была необычная атмосфера, все рассказывали анекдоты. В Киеве за два часа мне рассказали их штук 200, и все—про радиацию. Рекомендовали выпить красного вина, что мы, собственно, и сделали. Мне тогда дали медаль, называлась то ли «защитнику Чернобыля», то ли за «эвакуацию», не помню уже. Я вообще-то не собираю реликвии про себя, ни медали, ни грамоты.

— А что, часто вручали?

— С детства. Первую большую «железку» мне дали в школе, когда наш ансамбль занял первое место в конкурсе. Но я не любитель создавать музей при жизни. Ничего не храню.

— Как ты относишься к созданному тебе прессой имиджу?

— А я ничего не читаю о себе. Не люблю, потому что все врут журналисты. Скажешь им одно, а они — совсем другое напишут — то же самое вроде бы, но другими словами, поэтому я на несколько лет отказался от встречи с ними. Я очень тонко отношусь к слову. Если говорю что-то, то именно это и имею в виду, а репортеры думают... черт их знает, что они думают, но описывают все своим языком. Делают из артистов дураков, как правило. Если выходили статьи — больше от третьего лица. Поэтому я и закончил с раздачей интервью года три назад.

— Тогда насколько верна информация о том, что в Лос-Анджелесе ты работал за 400 долларов?

— Почему именно за 400? **(Видно было, что Володя немного смущен.)** В Америке на эти деньги не проживешь...

— Так работал ты за такую сумму или нет?

— Работал, но в день, — так и не дав вразумительного ответа, подытожил вконец измученный Володя. — Работал по всякому: и за месяц, и за песню, и за 45 минут. Единственное, о чем могу сказать открыто, — я зарабатываю на жизнь своим умом, трудом. Я не пою чужих песен, и сколько бы мне ни платили—мне нечего стесняться. Это мое. Во всяком случае, мне не приходится печь пирожки, убирать квартиры, чистить ботинки или подметать улицы.

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

— Интересно, тешило ли твое самолюбие артиста, находящегося под прицельным вниманием поклонников, что газеты рассказывали о каждом твоем шаге?

— Раньше меня это раздражало, и я пытался бороться, потом стало все равно. Мне было нужно, чтобы меня забыли, чтобы никто не дергал и я мог жить спокойно...

— ...петь, творить, писать?

— Это все громкие слова, все происходит само собой. Но как-то хочется еще и жить. Неприятно, когда вторгаются в твою личную жизнь, а я этого не допускал, поэтому и придумывались всяческие небылицы.

— Как тебя встретила Алла Борисовна?

— Хорошо встретила. Как своего лучшего друга.

— Как тебе Челобанов?

— Знаком с ним очень давно, нашел его в прекрасном виде. А почему это так всех волнует? Роль? Меня вообще не интересует, какая у него роль, — главное, что он оказывает поддержку Алле.

— Володя, говорят, что ты приехал в Москву и записываешься здесь на деньги Пугачевой. Тебя это не смущает?

— Да, я действительно две песни записал у Аллы Борисовны и очень ей благодарен за это. В одной она даже пела вторым голосом — песня называется «Мечты». Это очень здорово, что она всегда предоставляет не просто знакомым, а полузнакомым исполнителям возможность записаться, прозвучать. И если она оказала такую любезность старому другу — что ж в этом плохого? Что касается билета, то Театр песни Пугачевой пригласил меня на «Рождественские встречи» и, естественно, оплатил проезд.

— Не считаешь ли ты при этом, что нанес много душевных травм горячо любимой всеми певице?

— Это судьба. Я бы не хотел думать, что травмы эти только по моей вине. Я всегда очень переживаю, если у Аллы происходят какие-то душевные срывы, стараюсь ее поддержать, скрасить одиночество, если, конечно, оно есть.

— Ты остался в памяти народной американцем, когда женился и уехал в Америку. С тех пор о тебе мало кто чего слышал...

— Когда это было... Я постоянно приезжал, уезжал, ничего нет удивительного, я же сказал, что перестал встречаться с прессой. Недавно я приехал из Америки, где жил в Калифорнии.

— Ты любишь путешествовать?

— Нет, мне нравится только то, чем мне нравится заниматься.

— А чем?

— А мне нравится ничем не заниматься.

— Поездки по миру, наверное, оставили у тебя в душе массу впечатлений, что-то из них реализуется в творчестве?

— Дело в том, что все мои шлягеры получались как бы сначала лишними. Если я писал какую-то серьезную пластинку, то не хватало для них места. Только я хотел подурачиться — тут же рождались шлягеры.

Материала накопилось очень много. В основном англоязычные тексты. Я человек с русской душой и в Москве сочиняю песни в основном жалостные или смешные, иронические — для русского народа. Мне это доставляет определенное удовольствие, потому что людям это нравится, хотя не значит, что нравится мне. Но это и не компромисс — скорее, жажда помочь людям чувствовать себя лучше. Грустная, медленная песня вызывает любовные мечтания, быстрая — веселье. Это, как правило, песни ни о чем, просто для поднятия настроения. Какой-то ностальгии и тоски по Родине у меня не было никогда. Была тоска по определенным людям, персонажам. Я считаю так: где живешь — такую музыку и надо писать. Нельзя в Талды-Кургане выращивать ананасы. Все должно быть естественно: если живешь в Москве — должен встречаться с московскими девушками.

Где я жил в Лос-Анджелесе? Что, адрес нужен конкретный? Меня тогда поклонницы замучают. Представь себе пальмы, океан, шорты круглый год. Когда вернулся сюда — хотя ко всему быстро привыкаю, — поначалу даже не хотел выходить из самолета. Как с Луны прилетел. Но все быстро стирается, здесь просто другая жизнь. Даже не хочется рассказывать.

Я вообще не люблю распространяться, с кем живу, что ем, на какой машине езжу. Это мое личное дело, и никто об этом не должен знать. В Америке каждое утро я читал «Лос-Анджелес таймс». Здесь, читая прессу, я не могу понять, что происходит в политике. А там все ясно и понятно: этого убрали, того сняли, все разложено по полочкам. Что сколько стоит.

Когда я там нахожусь, меня больше всего волнует судьба русского народа...

— Ты сюда надолго?

— Я не строил никаких планов, прилетел навестить родных, друзей и близких мне людей, и как-то так получилось — одна песня появилась, другая. Они понравились моим друзьям — решил записать, вот и совмещаю приятное с полезным: отдыхаю, пишу. На новую пластинку хватит. Проблем нет. Я делаю песни для отдыха души и тела. Все как-то стесняются сказать друг другу простые душевные слова. Один начинает хамить, другой—острить. Я не стесняюсь и пишу в основном для наших женщин, которые в большинстве своем лишены радости в жизни, своих принцев. Люди должны мечтать о чем-то, и я стараюсь дать им эту возможность в своих песнях. Вот сейчас мы записываем песню, которая называется «Еще одна блондинка». Песня эта несерьезная, развлекательная, но в ней есть определенный смысл — каждая девушка, какой бы она ни была, — имеет шанс на успех. Ей необязательно быть супермодной и красивой — счастливой может быть любая пэтэушница. Я посмотрел на разных женщин и скажу, что наши — самые раскрепощенные, любвеобильные...

Я сюда приехал — диву дался, как будто змия какого эротического из бутылки выпустили: хоть глаза закрывай, что по первой программе показывают. В США по главным программам груди не показывают — запрещено. Хочешь что-то эдакое посмотреть — плати за отдельный канал. Дело-то интимное, и детям нельзя. Не надо бы страну превращать в бордель. Россия ведь всегда отличалась какими-то особыми нравственными принципами.

— Но ты-то, Владимир, тоже не ангел-однолюб, ходит в народе о тебе слава...

— Все мы артисты. И каждый играет свою роль. Иногда бывают какие-то увлечения... Вообще-то я всегда придумываю образ в своих песнях. Люди потом сами домысливают всякие истории, интриги. Если бы народ знал правду, это было бы еще больше похоже на вымысел. В одной из моих песен есть слова: «Ты скажешь мне три слова, и я поверю даже через столько лет». Естественно, как натура творческая, я все придумываю, воплощаю в песнях, но в жизни все по-другому. В жизни я очень постоянен в своих привязанностях.

— И как часто они меняются?

— Я по гороскопу Близнец. У меня бывает несколько привязанностей одновременно, однако я никогда не поступаюсь своими нравственными принципами. Я знаю, что меня пытаются сделать своеобразным героем-любовником, но мне это не мешает. Если люди так хотят — ради Бога.

— И все же молва народная приписывает тебе какие-то необычайные любовные таланты...

— Слухи эти, наверное, пошли из-за того, что очень серьезные женщины были в моем репертуаре.

— И про всех ты песни написал?

— Мне недавно подарили сборник — там примерно песен двести, но это только записанных, а незаписанных еще штук сто.

— То есть после каждой встречи песня появляется?

— Нет, конечно. Иногда проходят годы. Мне вообще приятно общаться не просто с красивой женщиной, а с такой, которая талантлива духовно, чтобы с ней было интересно не только в плане тела — это, само собой, необходимое условие. Идеалы разрушаются, появляются новые — они недостижимы, как горизонт. Можно добиться чего-то приближенного к ним, но максимально приблизиться к идеалам — это уже элемент счастья.

— Ты счастлив сегодня?

— У меня есть слова: «В жизни силы есть сильней любви». Нас покидают — или мы. Все зависит от судьбы, рока. Но жизнь продолжается, а она невозможна без страданий, переживаний, без которых не будет и счастья.

Всемирно известного певца пытала
Элина НИКОЛАЕВА.